

Когда оглядываешься на заветы, оставленные веками, и пытаешься отыскать проходящий сквозь века лейтмотив, возникает ощущение громадности, подавляющей мощи, неодолимой силы. На нашей памяти — оставшиеся от отцов (а им — от дедов и прадедов) масштабы земшарной глыбищи. Не меньше. Если это жизнеустройство, то непременно в мировом масштабе. Если умиротворение, то всеобщее. Если правда, то ценой всесветного уничтожения лжи.

Шестидесятники, кажется, были последним поколением, верившим, что истина реализуется только глобально. Глобальные программы сталкивались насмерть, потому что несли в себе бескомпромиссность масштабов. Или все, или ничего!

И вот из страха перед мировой катастрофой человечество хочет справиться с этим культом огромности.

Есть ли признаки успеха?

Я приведу несколько строк из лирики нынешних молодых наследников этого глобализма.

Да не смутят вас лапки на месте лап и лапищ:

Эти странные птицы
Сядут на наши пашни.
Мы хотели надеть им на лапки
кольца наших побед.

Кто сказал вам,
Что эти победы ваши,
И пашни, и хижины?
Даже дети, наверное, не от вас.

Вы правы.
Свое и чужое
Мы уже с трудом различаем.

Однако, куда б ни летели
Эти прекрасные птицы,
Вряд ли мы позабудем
Орнамент на их крыле!

Наши победы — кольца на лапки? И эти миниатюрные орнаменты — не отрицание ли гигантизма? А само это отрицание — не опровергается ли шатким: «не ваши»?

Нет! Это я пытаюсь пересказать поэзию дубовой публицистикой. Ничто не отрицается в этой смене масштабов, но всему отыскивается сокровенная цена.

Дрожь травинки и голод букашек — такая же миниатюризация реальности, как дома, застрявшие на краю пропасти. Отделка не спасает: вековые трещины не щадят лакового покрытия, как не щадят и коры яблонь.

Каков смысл такого всматривания в мелочи бытия? И этого сравнения большого с малым?

Смысл в том, что мелкое не замечали, потому что оно не гигантское.

Подержи за пазухой птицу.
Пусть думают, что это камень.

А осязая камень, смогут ли осознать, что и он — птица?

Или — соотносясь с Мариной Цветаевой:

Ничего в рябине больше нет.
Вся-то она в ягоды повышла.
Ни кровинки не оставила себе.
И стоит под вечер темнота, качаясь.
Новый плод — внутри.

Новый плод — разрешение темы.

Или — школьно отвердевшей от нескончаемого закаливания стали суждено оттаять:

На коньках и на трамвае
плыть казалось твердо мне.
Удивительно, но... тает
сталь, спаленная в огне.
Вроде льда, мемориальна,
по зеркальному родству
сталь блестящая витальна...
Пусть, как зубу и хвосту,
долго ей дремать под спудом
с привокзальной тоской,
но потом каким-то чудом...
стать прохладною рекой.

Мир — это сцепы, связи, перетекания, слияния...
а лучше всего сказать — мосты:

Мосты мудры...
У моста есть всего несколько минут,
чтобы поддержать на ладони человека.
Никто не остается с мостом,
все проходят по нему мимо.
А он всех любит и всех бережет.

И вот так же бережет мост мироздание, в котором
гигантское и миниатюрное начала равно хранят таинственную суть мироздания.

Камень, наступивший на ручей,
без купели быть уже не может.
Первый век, век яростных мечей,
в крепостном валу давно уж прожит.
Камень представляет, что течет...

Темный лик, водой посеребранный,
красотой нездешнею цветет,
что искрит, как провод оголенный.

Нездешняя красота.

Это ощущение таинственного смысла реальности
передано не столько сентенциями, сколько дыханием
стиха, пронизывающего все, к чему прикасается вооб-
ражение.

Мы не знаем, в чем тайна бытия, но чувствуем его
таинственную одушевленность.

Никто не знает, как закат теряет чувства.
Нам не понять закон устойчивости трав.
Быть может, жизнь сама есть чистое
искусство.
Сама в себя глядит,
главу задрав.

Здрав ли голову, углубившись ли в самосозерца-
ние, вглядывается душа в тайну бытия. В малом ли, в
крупном — судьба решает:

Девочка-сиротка так красива!
Но судьбу оплакав наперед,
За руку ее хватает ива
И к водице шелковой ведет.
Ничего ей не расскажет речка,
Тихо залебяжится у ног.
И качнется детское сердечко,
И почует сладостный порог.

Сладостный порог ощущает каждым стихом Зуль-
фия Алькаева.

Это черта новой лирики.

Я озаглавил эту свою заметку так, чтобы отзывалось
в ней имя, говорящее об этой новой зульфийности.